

"Как я и подозревал... ты не можешь это сделать," — мрачно сказал декан.

Да. Это правда. Если я должна использовать ваши методы, я не могу. Я не в том положении, чтобы раскрывать настоящую форму своих способностей. Если вы узнаете об этом, вы можете захотеть препарировать меня ещё до того, как Королевский Отморозок или Ублюдки смогут меня спасти.

Это не шутка. Этот мир был полон чудовищного варварства. Если подумать, то то, что Принц Вильям пытался сделать при свете дня, было возмутительной несправедливостью, но это считалось обычным делом. Знаете... чем-то, о чём обычно говорят "мальчишки есть мальчишки".

Я не дам вам экспериментировать над собой, чтобы понять, как я могу делать то, что могу.

"Возвращайся в свои покои. Будет сформирован дисциплинарный комитет. Приготовься."

Он имел в виду: "Даже если ты просто тупая девчонка, тебе нужно было думать, прежде чем пятнать нашу священную академию своим мошенничеством."

Декан верил, что я сжульничала, и вызвал меня, чтобы проверить, нуждаясь в подтверждении. Он думал обо мне не больше, чем об обычном насекомом. Для него мысль о том, что девочка поднялась выше мужчин, тем более через обман, была невыразимо отвратительна.

Я видела написанный на всём его лице вопрос: "Как ты посмела?" Его ярость была почти очевидна.

У меня был день, чтобы понять, что делать. Решение, как от меня избавиться, займёт у комитета минимум пару дней.

Должен быть способ выжить.

Дисциплинарный комитет определённо сформируют. И бесполезной девочке, то есть мне, не стоит ждать снисхождения. Я опозорила Императора, который рекомендовал меня для поступления. Одного этого было достаточно для смертного приговора.

Я не могу проиграть. Я выживу!

Я не могу позволить себе быть похороненной в этом дерьмовом мире, не достигнув ни одной из своих целей.

Я шла по коридорам, когда в меня врезался Ли Донсу. Больно. Импульс был как от маленькой машины. У меня болело всё тело.

"Ты наглая сучка! Думала, сможешь обманом забраться на вершину? Как смела ты так навредить нашей уважаемой академии? Я могу разорвать тебя на куски, и это всё равно меня не удовлетворит."

Теперь ясно, что произошло. Ли Донсу верил, что я обманула всех. Он пошёл к декану, чтобы обвинить меня, взяв мою тетрадь как доказательство обмана. Декан подтвердил свои подозрения, проверив меня. Поэтому дисциплинарное слушание. Или, точнее говоря, суд над ведьмой.

С этого момента я на отчаянной миссии по выживанию.

А ты, Ли Донсу. Ты связался не с той девочкой. Ты знал, что женская ярость может вызвать снег посреди лета?

О... ты узнаешь.

В панике, я начала искать способ выбраться из этого беспорядка. Я знала, что меня могут казнить за оскорбление Императора.

Мне нужно подойти к этому с мудростью.

Я вернулась в свою комнату в общежитии. Ублюдок, очевидно к моему ужасу, громко храпел.

Особый рыцарь должно быть тут, охраняет Ублюдка.

Несмотря на то, что он был невидимым, я была уверена, что он здесь, наблюдает за Ублюдком. Не мной, так как я была недостойна такой защиты, но за Ублюдком — точно.

Я начала своё представление. С дрожащими ногами я упала на пол. С видимым усилием я стала на колени и поклонилась, будто в молитве, начиная плакать.

"Меня оболгали."

Я говорила самым тихим голосом, каким только могла. Я знала, что особый рыцарь услышит, как бы тихо я ни говорила.

"Если я оскорбила Императора, я с радостью умру сотнями, нет... тысячами смертей. Но я ничего подобного не делала!"

Я могла бы получить Оскар.

"Как могла ничтожная девочка даже придумать такой сложный план? Я сделала лишь то, чему наш знаменитый учёный, Алекс, научил меня, используя особый метод, практикуемый лишь в Горьё. Это наш собственный метод. Как я могла раскрыть наш секрет? Но если я не сделаю это, меня казнят. Что мне делать?"

Я позволила слезам покатиться по своим щекам.

"Защита секретных техник расшифровки Горьё приведёт к обвинению меня в ужасном преступлении!"

Я уверена, особый рыцарь поймёт мою ситуацию и доложит в королевский дворец.

Я вдруг поднялась, будто приняла решение.

Я бы сказала, мои актёрские навыки в последнее время сильно улучшились.

В любом случае, я здесь в критической ситуации. Я имею в виду... представьте, что вас обвинили в списывании на экзамене. Если вас признают виновным, наказание — смерть. Когда кто-то проходит через такое, могу сказать, что это, мягко говоря, расстраивает. Хорошо, что я привыкла сталкиваться со смертельно опасными ситуациями. Импровизация теперь моя вторая натура.

Время повсхлипывать чуть дольше, достаточно громко, чтобы разбудить спящего ублюдка.

Всхлипывая, я начала писать письмо.

—Я пишу вам, дорогой Отец и Брат, ожидая казни. Это моё последнее...

Я не знала, что написать следующим, но я поднялась, чтобы глубоко, церемонно поклониться письму. Я сделала всё так, чтобы казалось, что я пишу свою последнюю волю, завещание. Уверена, я выглядела абсолютно трагично.

—Мой возлюбленный Папочка...

Я подробно написала, почему вынуждена назвать его "Папочка" один последний раз.

Я добавила ещё пару строк.

—Хотя я покидаю этот мир, я ухожу, зная, что была благословлена правом называть такого

мужчину, как ты, "Папочка". Нет в мире девочки счастливее меня, родившейся твоей дочерью.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза, пока пишу это.

—Я так благодарна, что ты мой папочка. Ты так любил и дорожил мной. Я молюсь за твоё здоровье и счастье.

Я нигде не просила о спасении, но, уверена, он всё понял.

Ким Санхи ошибалась. Особый рыцарь, Ли Чжухён, охранял не принца. Долгом Ли Чжухёна было любой ценой защищать принцессу.

В последнее время Ли Чжухён обнаружил, что испытывает меньше возмущения от того, что сначала считал унижительным заданием по защите бесполезной девочки. Со временем, наблюдая за ней день за днём, он начал испытывать к ней более тёплые чувства.

Она была не так плоха. На самом деле, она была довольно... очаровательной.

Было много моментов, когда он удивлялся таким мыслям.

Когда Ли Донсу ударил Ким Санхи, Ли Чжухён обнаружил себя в ярости.

Этот кусок мусора! Мне нужно просто...

Он сам не мог понять своей эмоциональной реакции.

Всё, что он знал, это что он испытывает большое искушение отрезать руку бесполезного труса, но сдержался, что потребовала гораздо большего самоконтроля, чем можно представить.

Следуя протоколу, Ли Чжухён сразу же доложил о произошедшем, и, ещё до получения письма принцессы Санхи, королевский дворец уже знал о её затруднительном положении.

Король Ким Хонсан вызвал Алекса.

Алекс прибежал.

"Алекс, ответь мне на один вопрос. Существует ли способ интерпретирования древних языков, который уникален для нашего королевства, особенный для наших институтов?"

Не зная о кризисе, с которым столкнулась принцесса, Алекс недоумевал, по какой причине король мог задавать такой вопрос. Он, однако, увидел особого рыцаря. В Горьё не было особого способа расшифровывать древние тексты, но он знал девочку, которая делала именно это. Алекс мгновенно сделал предположение о том, что могло случиться.

Принцесса Санхи должно быть в беде.

Алекс уже знал, что способ интерпретации принцессы Санхи был нетипичным, но он верил в её мудрость хранить природу её способностей в тайне.

Принцессу Санхи наверное раскрыли по несчастливой случайности.

Даже Алекс, с его знаниями и мудростью, продолжал кое-что понимать неправильно. Он верил, что принцесса Санхи была важным тайным способом связи.

Думаю, король позвал меня, чтобы придумать достоверное оправдание для спасения его дочери. Вот почему он подчёркивает 'особый метод интерпретации'.

Конечно, всё было не так. Король действительно не знал. Он спрашивал Алекса искренне.

Алекс дал королю то, что, как он верил, тот просил.

"Да, сэр. Конечно у нас есть уникальная методология герменевтики, которую нельзя раскрывать внешнему миру, так как это плод множества трудов и принадлежит исключительно нашей академии."

<http://tl.rulate.ru/book/5918/598670>